

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.8>

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ НА ОБРАЗНЫЙ МИР ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Научная статья

Балаева С.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-0810-3410;¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svetlana.balaeva[at]inbox.ru)

Аннотация

В статье рассматривается становление и эволюция образного мира в художественных произведениях итальянского поэта и мыслителя Джакомо Леопарди. В центре исследования произведение «Нравственные очерки», многостраничные заметки «Дневник размышлений» и стихотворение «Палинодия». Становление образного мира рассматривается с точки зрения влияния на Леопарди научных теорий из области физики, астрономии, математики и естественных наук. К анализу привлекаются источники по античной литературе и философии, а также французскому материализму эпохи Просвещения. Новизна работы обусловлена компаративным аспектом и материалом исследования. На материале произведений итальянского автора показано, как научные образы подкрепляют основные философские идеи Леопарди.

Ключевые слова: футурология, будущее, Леопарди, рацию, материализм.

THE INFLUENCE OF SCIENTIFIC THEORIES ON THE IMAGINATIVE WORLD OF GIACOMO LEOPARDI

Research article

Balaeva S.V.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0003-0810-3410;¹ Stieglitz State Academy of Art and Design, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (svetlana.balaeva[at]inbox.ru)

Abstract

The article examines the formation and evolution of the imaginative world in the fiction of the Italian poet and thinker Giacomo Leopardi. In the centre of the study are the work "Moral Essays", multipage notes "Diary of Reflections" and the poem "Palinodia". The formation of the imaginative world is examined in terms of the influence on Leopardi of scientific theories from physics, astronomy, mathematics and natural sciences. Sources on ancient literature and philosophy, as well as French materialism of the Enlightenment era, are involved in the analysis. The novelty of the work is due to the comparative aspect and the material of the study. On the material of the Italian author's works, it is shown how scientific images support Leopardi's basic philosophical ideas.

Keywords: futurology, future, Leopardi, ratio, materialism.**Введение**

Великий итальянский поэт и мыслитель Джакомо Леопарди (1798-1837), которого Ф. Ницше называл «современным идеалом филолога» [8, С. 100], составил себе славу как певец пессимизма. Его поэзия пронизана чувством безысходности и страдания, прозаические произведения также посвящены несостоятельности надежд на обретение счастья. Леопарди – знаток античных поэтов, лингвист и переводчик, сетующий на бедность современного ему литературного языка [1].

Особое место в наследии поэта занимает «Дневник размышлений» (Zibaldone, 1817-1832), записные книжки, на страницах которых собраны мысли по множеству вопросов – по истории языков и литературы, по философии и натурфилософии. Образы и темы, заимствованные из естественных наук занимают особое место в художественных произведениях Леопарди и позволяют взглянуть на его философию пессимизма с необычного ракурса.

В 1829 г. Леопарди сделал запись в своем дневнике, интересную тем, что она отражает основной посыл его размышлений об ограниченности познания человеком тайн природы: «То, что говорят об изумительном устройстве вселенной и о том, как все чудесным образом устроено <...> похоже на [утверждения], <...> что семена не сажают и животные не рождаются, кроме как в месте, где им удобно жить. Миллионы семян <...> попадают на непригодную почву, миллионы растений или животных рождаются в местах, где им нечем питаться и погибают. Но они погибают без внимания» (ДР 4510) (Здесь и далее цитаты из «Дневника размышлений» (ДР) даются с указанием на цифровую платформу digitalzibaldone.net [14], страницы указаны в соответствии с нумерацией Дж. Леопарди). Ограниченность познания рождается из неумения строить логические цепочки и делать верные выводы, а также из стремления подменять понятия и подводить выводы под желаемый результат. Леопарди, будучи филологом, был хорошо знаком с работами Аристотеля, разоблачавшего эристику (спор нечестными средствами) софистов своего времени. Сегодня же мы называем полученные подобным образом выводы «когнитивными искажениями» [2, С. 70], изучение которых находится в сфере науки психологии.

Основная часть

В прозе основным жанром Леопарди выбирает жанр диалога в риторической традиции, описанной Аристотелем в трактате «Топпика». Речь идет о произведении «Нравственные очерки» (полностью изданы посмертно в 1845 г., отдельные части произведения публиковались в разное время с 1824 по 1834 г.). Именно к жанру диалога относятся 17 из 24 частей в этом произведении. В итальянской литературе жанр «диалога» еще в XVI в. сформировал «достаточно диверсифицированную и уже отрефлектированную традицию» [4, С. 36]. Важной характеристикой жанра здесь является диалектический подход в духе Аристотеля, рассматривавшего диалектику «как метод исследования общих принципов всех наук» [3, С. 39].

К проблематике естественных наук, математики и астрономии Леопарди обращается в большинстве «Нравственных очерков», хотя стоит сразу оговориться, что каждый раз эта проблематика помогает подкрепить философские взгляды автора.

Наиболее часто на страницах очерков Леопарди обращается к вопросу о природе материи, возникновения вселенной и человека. Так, читателю приходится вспоминать основные страницы истории астрономии в «Разговоре Земли и Луны», «Апокрифическом фрагменте из Стратона Лампсакского» и в «Копернике».

С астрономией у Леопарди сложились особые отношения. В 1813 г. Леопарди пишет довольно обширный трактат «Историю астрономии» (более 300 страниц). «История» впервые была напечатана через четыре десятка лет после смерти автора [15]. Астрономию Леопарди называет самой благородной из физических наук, которая продемонстрировала интерес человека к миру и своему месту в нем. Он начинает свой рассказ со времен халдеев 7 века до н.э. и завершает современными открытиями. Исследователи отмечают, что многое взято «из вторых рук», из справочников, словарей, пересказов других авторов [13, С. 519]. Написание трактатов было частью системы домашнего образования. К их написанию юноша Леопарди подходил с научной строгостью, стремясь выстроить систему из имеющегося материала, подвести итоги и сделать выводы относительно тех или иных важных вопросов. До того, как написать обстоятельный трактат об астрономии, Леопарди уже обращался к этой теме в совсем юном возрасте, когда создавал «Философские диссертации» (Dissertazioni Filosofiche, 1811-1812) [16], части которых посвящены с одной стороны, метафизике и логике, с другой стороны, гравитации, гидродинамике, природе света, электричества и тому подобного.

Необходимо отметить, что Леопарди получил прекрасное домашнее образование, включавшее не только изучение филологических дисциплин, но и углубленное погружение в естественные дисциплины, математику, физику и астрономию. Домашняя библиотека поэта включала работы Эвклида, таблицы Эфемерид, работы по физике, медицине, химии и естественным наукам (в том числе, работы Галена, почти все работы Декарта, работы Галилея (издание 1744 г. в 4 томах), и самый важный, вероятно, для истории естествознания труд Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687), в которой были сформулированы закон всемирного тяготения и три закона движения, ставшие основой классической механики (три закона Ньютона) [11, С. 36-39].

Имеющиеся знания астрономии и филологии помогают Леопарди составить «Апокрифический фрагмент из Стратона Лампсакского» (Стратон Лампсакский – реальный исторический деятель, живший в 4-3 вв. до н. э., третий после Аристотеля и Теофраста руководитель афинского Ликейя. В философии Статона возобладал материализм, понятие Бога он заменил движущими силами природы. Ученик Стратона Аристарх Самосский первым в 3 в. до н. э. обосновал гелиоцентрическое строение солнечной системы и описал орбиты планет. Об этом пишет Леопарди в «Дневнике размышлений» в 1821 г., указывая, что Коперник не был первым, но развил и обосновал древние теории (ДР 1858)). В очерке о появлении мира говорится так: «Все материальные предметы конечны и обречены гибели, а это значит, что у всех у них было и начало. Сама же материя никакого начала не имела, то есть через собственную свою силу существовала от века. <...> Мы видим, что материя не прибывает ни на самую малую частицу и что даже ничтожнейшее ее количество не исчезает, так что она не подвержена гибели» [7, С. 182]. Итальянский философ и исследователь Леопарди Э. Северино приводит слова Цицерона о том, что для Стратона «всякая божественная сила пребывает в природе, которая обладает причинами рождения, роста и упадка, но лишена смысла и формы» [17, С. 19]. Так и у Леопарди «природа – это божественная сила, которая порождает и разрушает установления мира (и, следовательно, не является, установлением» [17, С. 19].

В «Апокрифическом фрагменте» Леопарди делает мысль Стратона своей собственной. Здесь не говорится, что материя божественна, но говорится, что она вечна: «Меж тем как различные способы бытия материи, являемые нам в том, что мы называем материальными творениями, обречены гибели и преходящи, в самой материи вообще нельзя обнаружить признаков обреченности гибели и смерти, как и признаков того, что она имела начало и что для ее существования была потребна или потребна ныне какая-либо вне ее лежащая причина или сила» [7, С. 182].

О конце мира в том же фрагменте сказано: «Мы знаем, что у Земли по причине ее постоянного вращения вокруг своей оси части, близкие к экватору, стремятся прочь от центра, а части, окружающие полюсы, придавливаются к центру, отчего форма ее изменилась и продолжает меняться, а именно около экватора Земля становится более выпуклой, а у полюсов, наоборот, более плоской. Из-за этого должно произойти так, что спустя некоторое время, продолжительность которого, даже если она сама по себе измерима, людям невозможно познать, Земля по обе стороны экватора сплющится и, потеряв форму шара, превратится в тонкую круглую доску. Она, словно колесо продолжая вращаться вокруг своего центра, будет делаться все тоньше и шире, пока наконец из-за центробежного движения всех ее частей посередине не образуется отверстие. Это отверстие будет увеличиваться по кругу со дня на день, пока Земля, принявшая форму кольца, не разлетится в конце концов на куски, которые, сойдя с нынешней земной орбиты и утратив круговое движение, обрушатся на Солнце, а может быть, и на другие планеты» [7, С. 184]. Со временем то же самое должно случиться с другими планетами и с Солнцем. Но погибнут только небесные тела, сама материя никуда не исчезнет. И позднее из нее возникнут новые неведомые миры, и все повторится сначала.

Цитата из «Апокрифического фрагмента» о разрушении земли отсылает к «Истории астрономии», к главе, в которой Леопарди рассказывает о достижениях Нового времени. Речь идет о планете Сатурн и его кольцах. На тот

момент относительно образования колец существовало несколько гипотез. Их все Леопарди подробно перечисляет в своей «Истории»: «Мопертюи предполагает, что оно [кольцо] образовано хвостом кометы, притянутой Сатурном: комета стала спутником. А Бюффон, что оно когда-то было частью планеты, и что она отделилась от нее из-за избытка центробежной силы, и Кассини предположил, что кольцо Сатурна – это скопление спутников, расположенных почти в одной плоскости очень близко друг к другу и настолько малых, что каждый из них нельзя рассмотреть отдельно» [15, С. 278]. С определенной долей вероятности можно утверждать, что сам Леопарди склонялся к принятию гипотезы французского натуралиста Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона (книги французского натуралиста Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона (1707-1788), вышедшие под общим названием «Естественная история» (*Histoire naturelle générale et particulière*) были очень популярны на рубеже XVIII-XIX веков. Итальянский перевод этой книги имелся в библиотеке Леопарди [12]). О влиянии Бюффона на научные взгляды Леопарди можно судить, обратившись к «Дневнику размышлений». Имя Бюффона появляется на страницах дневника несколько раз в разные годы, с 1820 по 1827 гг., имя Кассини упомянуто один раз, а Мопертюи не упоминается ни разу. Так что можно определенно утверждать, что взгляд на смерть нашей планеты взят из теорий Бюффона.

Роль и важность центробежной силы, а также гравитации, Леопарди многократно отмечает на странице «Истории» в соотношении с Исааком Ньютоном (1642-1726). Здесь понятие центробежной силы в отношении земли рассматривается в совокупности с гравитацией и центростремительной силой. Леопарди восхищен гением Ньютона, который доказывает, как все три эти физических явления взаимосвязаны.

Влиянию достижений физики и астрономии Леопарди посвящает другой диалог в «Нравственных очерках», «Коперник». Диалог начинается с того, кто солнце не желает больше на своей колеснице объезжать землю, т. е. не желает жить по законам геоцентрической системы мира. Солнце велит своим помощникам найти философа, который убедит землю начать двигаться вокруг солнца. Этим философом оказывается Коперник (1473-1543), который попадает на встречу к Солнцу. Солнце убеждает его заставить Землю двигаться, а Коперник возражает, говоря, что тогда и людям придется подвинуться и освободить центральное место мироздания: «...наше предприятие не просто материального свойства, как кажется на первый взгляд, и последствия его не принадлежат одной лишь физике: ведь оно опрокинет иерархию вещей и порядок всего сущего, изменит цели всего созданного и поэтому произведет величайший переворот в метафизике и вообще во всем, что относится к умозрительной стороне познания. И в итоге люди, если смогут и захотят рассуждать здраво, обнаружат, что они совсем не то, чем были или воображали себя до сих пор» [7, С. 203]. И намекает на то, что и у Солнца появятся соперники, другие солнца, которые захотят обзавестись своими планетами и своими людьми. И в перспективе Солнцу придется тоже начать движение, вокруг иного, более сильного центра. Леопарди тут намекает на долгое время считавшуюся еретической теорию о множественности звездных миров и систем, допускающей существование миров, подобных земле, высказанную Джордано Бруно (1548-1600), что послужило его заключению и казни на костре. Коперник тоже высказывает опасения относительно костра. Но Солнце ободряет его и предлагает посвятить свой труд папе римскому, что реальный Коперник и сделал, посвятив папе Павлу III (1468-1549) труд «О вращении небесных сфер».

«Коперник» пронизан иронией автора и часто воспринимается исследователями как манифест Леопарди-материалиста и скептика. Вся огромность вселенной не может заставить человека поверить, что не он ее цель и центр. Именно незнание механизмов природы, говорит Леопарди, порождает верующих в божественные силы. Человечество настолько невежественно в законах природы, что не может признать: природа создала всё сама без вмешательства чьей-то воли. Самым опасным заблуждением человека является антропоцентризм. Ирония Коперника, объясняющего Солнцу природу людей, выражает это убеждение: «Что же вам сказать о людях? Мы мним себя (и всегда будем мнить) первейшими и главнейшими из земных тварей, и поэтому каждый из нас, <...> считает себя повелителем <...> Солнца, планет, всех видимых и невидимых звезд, а также конечной целью существования звезд, планет, вашего сиятельства и вообще всех вещей» [7, С. 202]. Тема человеческой самонадеянности постоянно повторяется в «Нравственных очерках» (например, в «Разговоре сифла и гнома» сифл говорит гному: «Я, например, уверен, что даже ящерики и мошки думают, будто мир создан на потребу именно их породе» [7, С. 71]).

Поиск ответа на вопрос о природе человека, его важности и уникальности приводит Леопарди к более глобальному вопросу о сущности материи вообще. Леопарди не может найти ответ на вопрос, существует ли душа и какова ее природа. Ученый в своем исследовании должен действовать, руководствуясь опытом и наблюдением. Благодаря Галилею, Локку и Ньютоном, отмечает Леопарди, наука достигла серьезного прогресса, а открытия и эксперименты ученых XVI-XVII вв., Уильяма Гарвея (открытие механизма работы системы кровообращения) и Нильса Стенсена (описание работы мышц), решали вопросы о природе движения тел и, шире, о природе движения материи. Ведь движение наблюдалось даже в препарированных органах, оторванных от центральной нервной системы. Это было достаточным доказательством для того, чтобы поставить под вопрос существование души.

Размышляя о природе материи и опираясь на современные ему данные науки, Леопарди приходит к утверждению, что «материя может мыслить и чувствовать» (ДР 4252). Своему воображаемому собеседнику, заявившему, что такое заявление абсурдно, поскольку мы не можем понять, как это происходит, Леопарди отвечает: «Прекрасно: мы понимаем, как материя притягивает тела, как она производит те чудесные эффекты электричества, как воздух создает звук <...> А если мы не понимаем ее и никогда не сможем понять, то разве станем отрицать, что материя не способна на эти вещи, хотя мы видим, что они есть» (ДР 4252)

Эти рассуждения о материи очень близки идеям французского материализма, в частности, исследователь Д. Бини указывает на близость идей и образов у Леопарди и у французского врача и философа Жюльена Офре де Ламетри (1709-1751). В особенности это касается размышлений о природе материи и человеческой души [10]. В подтверждение можно привести цитату из сочинения Ламетри «Трактат о душе» (1745/1751): «должен ли я лишать какое-нибудь существо свойств, оказывающих действие на мои чувства, только из-за того, что природа этого существа мне не известна? Я вижу в мозгу только материю, а в его чувствующей части — только протяженность» [5, С. 87].

Если всё, что нас окружает и что мы можем познать, есть материя, бессмысленно рассуждать о бессмертии души или о существовании высшего существа. Почему, спрашивал Ламетри, причиной существования человека не должно быть само его существование? И Леопарди заключает: «Вещи такие, какие они есть, потому что они должны быть такими, учитывая их абсолютную природу или природу сил и принципов (какими бы они ни были), их породивших» (ДР 4142-4143).

«Любая истина относительна», – писал Леопарди в 1822 г., и весь опыт человечества показывает, что «не существует абсолютной истины» (ДР 2527-2528). Леопарди, подобно Ламетри, верил в природу, управляемую необходимыми законами. Ссылка на случайность, беспорядок и божественное духовное вмешательство в качестве объяснения событий вызвана только незнанием законов природы. Понятия добра и зла не находят места в науке, описывающей природу, ибо они не имеют смысла в мире физических явлений. Следствия следуют за причинами и с точки зрения природы они не являются ни хорошими, ни плохими; они просто существуют. В «Апокрифическом фрагменте» говорится об этом так: «Мы даже не можем знать, подлинно ли те действия, которые мы приписываем одной силе, произведены ею одной или также множеством других, и наоборот, суть ли силы, обозначаемые у нас разными именами, поистине разные силы, или это одна-единственная сила» [7, С. 183].

Вопрос о сущности природы – один из важнейших на страницах «Нравственных очерков». Природа – персонаж двух фрагментов, «Разговора природы и души» и «Разговора природы с исландцем».

В «Разговоре природы и души» персону природы не описана, она раскрывается только в диалоге с душой. Фрагмент открывается напутствием природы, в уста которой Леопарди вкладывает слова французского философа и математика Даламбера [9, С. 445]: «Живи и будь великой и несчастной» [7, С. 75]. И чуть позднее мы узнаем о том, что хотя природа знает, что уготовано душе, изменить она ничего не может, потому что «должна повиноваться року» [7, С. 76]. Персонификация природы в человеческом облике происходит и в «Разговоре Природы с Исландцем». Герой этой истории путешествует по Африке и однажды видит «непомерного роста женщину <...> женщина эта была не изваянной, но живой, лицо ее было прекрасно и вместе грозно» [7, С. 105]. Они беседуют. Так герой узнает, что перед ним — сама природа, которая поддерживает сложившийся порядок рождения и смерти и которой нет дела до радостей и горестей человечества, поскольку «жизнь этого мира есть вечный круговорот рождения и уничтожения» [7, С. 110]. Беседа длится долго, пока исландца, по одной версии рассказчика, не съедают два голодных льва или, по другой версии, пока не начинается песчаная буря, которая хоронит его в пустыне, а позже прекрасно сохранившуюся мумию исландца находят другие путешественники и помещают в один из европейских музеев. Человек разговаривает и пытается получить у природы ответы, пока не погибает по воле ее законов – так аллегорически можно сформулировать идею этого очерка. Пессимистическое звучание очерка получает и по той причине, что человек с помощью своего рационального мышления пытается познать законы природы и погибает от бездействия. «Тенденция нынешнего века к разуму – это тенденция к рационально-математическому мышлению в технике, основанной на расчете. <...> Но эта сила основана на рационально-математическом мышлении, и поэтому ей суждено потерпеть неудачу не только потому, что всякая сила бессильна по сравнению с небытием, но и потому, что рационально-математическое мышление, анализ, показывающий ничтожность сущего, уничтожает волю к действию» [17, С. 292] – пишет Э. Северино, рассматривая произведения Леопарди из философской перспективы.

Рацио человека заставляет его верить также в возможность научно обоснованного и достижимого с помощью науки всеобщего счастья. По Леопарди, нелепо верить в возможность общественного счастья, поэтому и формулы, которые провозглашают лишь абстрактную идею счастья, не имеющую возможного соответствия в действительности, также нелепы. Современное мышление приписывает свой математический, разумный, характер природе [17, С. 293]. Это абсурдное изобретение его века, что «Лучшие умы / столетия моего нашли иное, / почти что совершенное решение: / сил не имея сделать одного / счастливым, им они пренебрегли / и стали счастья искать для всех; / и, обретя его легко, они / хотя и из множества несчастных, злых / людей – довольный и счастливый сделать / народ» [6, С. 225, 227] (стихотворение «Палинодия», рус.пер. А.Ахматовой).

Если в «Нравственных очерках» Леопарди философски обосновывает тезис о том, что удел человека – страдание, то в своем позднем стихотворении «Палинодия» (ок. 1835 г.) он предстает как первый мыслитель-футуролог.

«Палинодия» посвящена маркизу Джино Каппони, выдающемуся флорентийскому историку, экономисту и педагогу, другу Леопарди. В «Палинодии» Леопарди как будто отказывается от своих прежних пессимистических воззрений и рисует портрет современного общества, гордого своими материальными завоеваниями и убежденного в том, что оно находится на пороге создания земного рая.

В «Палинодии» поэт нападает на оптимизм, порождаемый науками и технологиями. Как пишет Э. Северино, «Леопарди не только является первым мыслителем века технологий и открывает путь, по которому идет вся современная философия, но он видит будущее Запада: приближение рая цивилизации технологий и неизбежность его краха» [17, С. 5].

Стихотворение начинается с обращения к Джино. Поэт заявляет, что он был неправ, критикуя свою эпоху, считая ее «суетной», ведь это, безусловно, самое счастливое время, в которое когда-либо жил человек. А грядущее принесет всеобщую любовь, железные дороги, торговлю, паровые машины и массовую прессу, т. е. мир станет счастливым и объединенным. Поэт доводит свои предсказания до крайности: глобализация принесет эпидемии («торговля, пар, холера, тиф прекрасно соединят различные народы» [6, С. 215]). Европа и Америка развяжут войны из-за природных ресурсов, которые будут цениться выше золота («Причина – в виде перца, иль корицы, иль сахарного тростника, иль вещи любой другой, стать золотом способной, – Устроит столкновение мирных толп» [6, С. 217]). Ни открытие электричества (Леопарди упоминает физика Алессандро Вольту и основателя электрохимии Гемфри Дэви), ни промышленная революция, ни политические трактаты не смогут изменить человеческую натуру.

Развитие промышленности и доступность товаров улучшат материальную жизнь людей, расстояния будут сокращаться благодаря железнодорожным туннелям и перелетам между городами («полет Париж – Кале, оттуда – в

Лондон, Лондон – Ливерпуль так будет скор, что нам и не представить» [6, С. 221]). Улицы станут лучше освещены, но не безопаснее. Но будет ли всего этого достаточно, чтобы победить страдания и боль, уготованные человеку?

Леопарди предсказывает, что потребности человека будут исключительно материальные. Современному обществу («цивилизованному стаду») больше не будут нужны философы и поэты. Это будет мир, в котором доминирует экономика, повышается материальное благосостояние, а единственным источником знаний станут средства массовой информации: «...и когда газеты — жизнь / вселенной и душа ее, источник / единственный познания всех эпох, — / размножившись при помощи машин / миллионным тиражом, собой покроют / долины, горы и простор безбрежный / морей, подобно стаям журавлиным, / летящим над широкими полями» [6, С. 223].

Стихотворение завершается предвидением грядущего господства переменчивой моды, в том числе в поэзии и в образовании.

Заключение

Образность Леопарди тесно связана с научными понятиями, открытиями и теориями. Поэт подвергает сомнению некоторые из них (например, успехи в экономике и технологиях, обещающие человечеству земной рай), а другие (идеи материализма, основанные на открытиях естественных наук) принимает как единственно значимые для образованного человека. Произведения Леопарди полны аллюзиями и отсылками к произведениям античной литературы и французского Просвещения. Своеобразие звучания прозы и поэзии Леопарди достигается благодаря уникальной фигуре автора, обладающего обширнейшими знаниями в области античной и современной филологии и в области точных и естественных наук.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.8.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.8.1>

Список литературы / References

1. Балаева С.В. Проблема языка поэзии Леопарди в размышлениях Джузеппе Унгаретти / С.В. Балаева // Древняя и Новая Романия. — 2017. — № 19. — С. 160-169.
2. Боброва Л.А. Когнитивные искажения / Л.А. Боброва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — 2021. — № 2. — С. 69-79.
3. Джохадзе Д.В. Античный диалог и диалектика / Д.В. Джохадзе // Философия и общество. — 2012. — № 2. — С. 23-45.
4. История литературы Италии. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Т. III. — 720 с.
5. Ламетри Ж.О. Сочинения / Ж.О. Ламетри; общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. — М.: Мысль, 1983. — 509 с.
6. Леопарди Дж. Стихотворения / Дж. Леопарди. — М.: Текст, 2013. — 285 с.
7. Леопарди Дж. Этика и эстетика. (Нравственные очерки. Рассуждение итальянца о романтической поэзии. Из дневника размышлений) / Дж. Леопарди. — М.: Искусство, 1978. — 470 с.
8. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т / Ф. Ницше. — М.: Культурная революция, 2008. — Т.8: Черновики и наброски 1874-1879 гг. — 704 с.
9. Ошеров С.А. Комментарии / С.А. Ошеров // Этика и эстетика / Дж. Леопарди. — С. 439-470.
10. Bini D. Leopardi and French Materialism / D. Bini // Comparative Literature Studies 20. — 1983. — № 2. — P. 154-167.
11. Borgato M.T. Leopardi e le scienze matematiche / M.T. Borgato, L. Pepe // Bollettino dell'Unione Matematica Italiana. — A La Matematica nella Società e nella Cultura, 1998. — Serie 8. — Vol. 1 — №.1. — P. 31-57.
12. Contarini S. Leopardi e Buffon; Sulla genesi del Dialogo Della Natura e di un Islandese / S. Contarini // Rivista di letterature moderne e comparate. — 1994. — Vol. 47. — №4. — P. 331-354.
13. Finocchiaro M.A. A Curious History of Astronomy: Leopardi's Storia Dell'Astronomia / M.A. Finocchiaro // Isis. — 1974. — Vol. 65. — № 4. — P. 517-519.
14. Giacomo Leopardi's Zibaldone di pensieri. — URL: <https://digitalzibaldone.net/> (accedere: 16.07.2024)
15. Leopardi G. Opere inedite. 2 Vols / G. Leopardi. — Halle: Max Neimeyer, 1878-1880. — Vol. 2. — P. 19-365.
16. Polizzi G. Uno scritto dimenticato del giovane Leopardi: la 'Disputatio' e il suo rapporto con le 'Dissertazioni filosofiche.' / G. Polizzi, V. Sordani // Rivista di Storia della Filosofia — 2009. — Vol. 64. — № 4. — P. 653-707.
17. Severino E. Il nulla e la poesia. Alla fine dell'età della tecnica: Leopardi / E. Severino. — Milano: Rizzoli, 1990. — 348 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balaeva S.V. Problema jazyka poezii Leopardi v razmyshlenijah Dzhuzeppe Ungaretti [The problem of the language of Leopardi's poetry in the reflections of Giuseppe Ungaretti] / S.V. Balaeva // Drevnjaja i Novaja Romanija [Ancient and New Romania]. — 2017. — № 19. — P. 160-169. [in Russian]

2. Bobrova L.A. Kognitivnye iskazhenija [Cognitive distortions] / L.A. Bobrova // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubeznaja literatura [Social and Humanities. Domestic and foreign literature]. — 2021. — № 2. — P. 69-79. [in Russian]
3. Dzhohadze D.V. Antichnyj dialog i dialektika [Ancient Dialogue and Dialectics] / D.V. Dzhohadze // Filosofija i obshhestvo [Philosophy and Society]. — 2012. — № 2. — P. 23-45. [in Russian]
4. Istorija literatury Italii [Literary history of Italy]. — M.: IMLI RAS, 2012. — Vol. III. — 720 p. [in Russian]
5. Lametri Zh.O. Sochinenija [Works] / Zh.O. Lametri; edited, preface and annotation by V.M. Boguslavsky. — M.: Mysl', 1983. — 509 p. [in Russian]
6. Leopardi G. Stihotvorenija [Poems] / G. Leopardi. — M.: Text, 2013. — 285 p. [in Russian]
7. Leopardi G. Jetika i jestetika. (Nravstvennye ocherki. Rassuzhdenie ital'janca o romanticheskoj poezii. Iz dnevnika razmyshlenij) [Ethics and Aesthetics. (Moral Essays. An Italian's Discourse on Romantic Poetry. From the diary of reflections)] / G. Leopardi. — M.: Iskusstvo, 1978. — 470 p. [in Russian]
8. Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. [Complete Works: in 13 vols] / F. Nietzsche. — M.: Kul'turnaja revoljucija, 2008. — Vol. 8: Drafts and sketches 1874-1879. — 704 p. [in Russian]
9. Osherov S.A. Kommentarii [Commentary] / S.A. Osherov // Jetika i jestetika [Ethics and Aesthetics] / G. Leopardi. — P. 439-470. [in Russian]
10. Bini D. Leopardi and French Materialism / D. Bini // Comparative Literature Studies 20. — 1983. — № 2. — P. 154-167.
11. Borgato M.T. Leopardi e le scienze matematiche [Leopardi and the mathematical sciences] / M.T. Borgato, L. Pepe // Bollettino dell'Unione Matematica Italiana. — A La Matematica nella Società e nella Cultura [Bulletin of the Italian Mathematical Union. — A Mathematics in Society and Culture], 1998. — Series 8. — Vol. 1 — №.1. — P. 31-57. [in Italian]
12. Contarini S. Leopardi e Buffon; Sulla genesi del Dialogo Della Natura e di un Islandese [Leopardi and Buffon; On the genesis of the Dialogue of Nature and an Icelander] / S. Contarini // Rivista di letterature moderne e comparate [Journal of Modern and Comparative Literatures]. — 1994. — Vol. 47. — №4. — P. 331-354. [in Italian]
13. Finocchiaro M.A. A Curious History of Astronomy: Leopardi's Storia Dell'Astronomia / M.A. Finocchiaro // Isis. — 1974. — Vol. 65. — № 4. — P. 517-519.
14. Giacomo Leopardi's Zibaldone di pensieri. — URL: <https://digitalzibaldone.net/> (accessed: 16.07.2024) [in Italian]
15. Leopardi G. Opere inedite [Opera inedita]. 2 Vols / G. Leopardi. — Halle: Max Neimeyer, 1878-1880. — Vol. 2. — P. 19-365. [in Italian]
16. Polizzi G. Uno scritto dimenticato del giovane Leopardi: la 'Disputatio' e il suo rapporto con le 'Dissertazioni filosofiche.' [A forgotten piece of writing by the young Leopardi: the "Disputatio" and its relationship to the "Dissertazioni filosofiche."] / G. Polizzi, V. Sordani // Rivista di Storia della Filosofia [Journal of the History of Philosophy] — 2009. — Vol. 64. — № 4. — P. 653-707. [in Italian]
17. Severino E. Il nulla e la poesia. Alla fine dell'età della tecnica: Leopardi [Nothingness and poetry. At the end of the technical age: Leopardi] / E. Severino. — Milano: Rizzoli, 1990. — 348 p. [in Italian]